

УДК 342.7

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/131/51>

ПРИНЦИПЫ НЕДИСКРИМИНАЦИИ В ТРАДИЦИОННОМ КОЧЕВОМ ОБЩЕСТВЕ КЫРГЫЗОВ

©Салимбек кызы А., ORCID: 0009-0008-8416-4446, Кыргызско-российский славянский университет, г. Бишкек, Кыргызстан, aikowsalimbek@mail.ru

THE PRINCIPLES OF NON-DISCRIMINATION IN THE TRADITIONAL NOMADIC KYRGYZ SOCIETY

©Salimbek kyzy A., ORCID: 0009-0008-8416-4446, Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan, aikowsalimbek@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования принципов недискриминации в традиционном кочевом обществе кыргызов выступают социально-правовые институты, обычное право (адат) и морально-этические нормы, которые регулировали равенство, защищали уязвимые слои населения и обеспечивали баланс интересов внутри кочевой общины. В рамках этой темы детально изучаются следующие аспекты: институт взаимопомощи, статус женщины, суд биев, отношение к чужакам и т. д. Актуальность темы заключается в том, что изучение традиционных механизмов недискриминации позволяет понять социально-правовую природу кочевой цивилизации, которая веками обеспечивала внутреннюю стабильность. В условиях отсутствия централизованных механизмов именно обычное право и кочевая этика выступали эффективными инструментами саморегуляции, равенства и защиты достоинства личности. Осмысление этого опыта критически важно в контексте современно-правовой реституции и реабилитации прав граждан, пострадавших от советских массовых репрессий и классовой сегрегации, разрушивших традиционные институты справедливости и категорию «ар-намыс». Проводится комплексный историко-правовой анализ эволюции принципов недискриминации: от самобытного кочевого права через его разрушение в тоталитарный период к современной юридической реабилитации жертв репрессий. Подробно разбираются традиционные правила адата с точки зрения равенства и защиты прав человека, систематизация институтов адата сквозь призму антидискриминационного потенциала кочевой демократии, а также их сопоставление с карательными советскими практиками (институт коллективной ответственности) и современным реституционным законодательством Кыргызской Республики. Полученные результаты позволяют применить исторический опыт кочевого общества для развития институтов медиации, совершенствования гендерной политики и модернизации национально-правовой базы в сфере реабилитации граждан.

Abstract. The subject of the study of non-discrimination principles in traditional Kyrgyz nomadic society is the social and legal institutions, customary law (adat), and moral and ethical norms that regulated equality, protected vulnerable groups, and ensured a balance of interests within the nomadic community. Within this topic, the following aspects are studied in detail: the institution of mutual aid, the status of women, the court of biys, attitudes toward outsiders, and so on. The relevance of the topic lies in the fact that studying traditional mechanisms of non-discrimination allows us to understand the social and legal nature of nomadic civilization, which for years ensured internal stability. In the absence of centralized mechanisms, it was customary law and nomadic ethics that served as effective tools for self-regulation, equality, and the protection of dignity and individuality. Reflecting on this experience is critically important in the context of modern legal restitution and the

rehabilitation of the rights of citizens affected by Soviet mass repressions and class segregation, which destroyed traditional institutions of justice and the concept of Ar-Namys. A comprehensive historical and legal analysis is being carried out on the evolution of non-discrimination principles—from indigenous nomadic law, through its destruction during the totalitarian period, to the modern legal rehabilitation of victims of repression. The traditional rules of adat are examined in detail from the perspective of equality and human rights protection, with a systematic look at adat institutions through the lens of the anti-discrimination potential of nomadic democracy and their comparison with punitive Soviet practices (the institution of collective responsibility) and the modern restitution legislation of the Kyrgyz Republic. The results obtained make it possible to apply the historical experience of nomadic society to the development of mediation institutions, the improvement of gender policy, and the modernization of the national legal framework in the field of citizen rehabilitation.

Ключевые слова: традиционное общество кыргызов; обычное право (адат); принципы недискриминации; тоталитарные репрессии; правовая реабилитация.

Keywords: traditional Kyrgyz society; customary law (adat); principles of non-discrimination; totalitarian repression; legal rehabilitation.

Традиционное кочевое общество часто ошибочно воспринимается как исключительно патриархальное и жестко иерархичное. Однако детальный анализ обычного права (адата) выявляет уникальные внутренние механизмы обеспечения социальной справедливости, равенства и защиты уязвимых слоев населения, которые сегодня классифицируются как принципы недискриминации.

В управлении кыргызским обществом важную роль играли народные курултай, где обсуждались и принимались наиболее важные вопросы, затрагивающие интересы всего народа; принимались управленческие решения, которые население было обязано исполнять. Курултай в основном играли роль судебного и совещательного органа на местном уровне. Систематизация обычного права кыргызов осуществлялась на чрезвычайных съездах, которые были судом высшей инстанции, рассматривали жалобы на решения волостных судов и разбирали огромное количество уголовных и гражданских дел, а судебные прецеденты (бийлердин бутуму) становились источниками обычного права. Курултай, как правило, собирался в случаях, когда возникали земельные и имущественные споры [1].

Таким образом, народные курултай и чрезвычайные съезды выступали ключевыми институтами государственного управления и судебной власти в традиционном кыргызском обществе. Данные органы созывались для урегулирования стратегически важных социально-имущественных споров, а их решения носили общеобязательный характер и формировали нормативно-правовую базу в рамках системы обычного права.

Правовое положение женщин наглядно проявлялось в институте левирата, по которому, став вдовой, купленная за калым невеста в большинстве случаев не могла самостоятельно распоряжаться своей судьбой, так как приравнивалась к собственности семьи, ее засватавшей. Ее дальнейшая судьба всецело зависела от решения родичей покойного супруга. У женщины не было права собственности: всем имуществом, согласно патриархальным устоям общества, распоряжался глава семьи — муж. Жена могла пользоваться семейным имуществом и владеть им, но не могла им распоряжаться. Женщины непосредственно не могли участвовать в заключении договоров, а действовали только через своих представителей, которыми являлись их отцы, сыновья и близкие родственники мужского пола. Женщины не признавались субъектами сделок; нормы шариата и адата ограничивали их права в данном вопросе, и

несмотря на то, что супруга пользовалась имуществом вместе с мужем, она не могла им распоряжаться без разрешения лица, во власти которого находилась [2].

Кочевая община (айл) функционировала как единый социальный организм, где выживание группы зависело от сплоченности. Дискриминация слабых вела к ослаблению всего рода. Существовала традиция взаимопомощи, при которой весь айл бесплатно помогал пострадавшим от стихийных бедствий, сиротам или беднякам в строительстве жилища или выпасе скота. Сироты никогда не оставались бездомными; их брал на воспитание близкий родственник по линии отца, наделяя равными правами с родными детьми. Старейшины (аксакалы) обладали высшим моральным авторитетом, что исключало эйджизм и обеспечивало преемственность опыта. Кочевники-кыргызы, находясь на перекрестке Великого шелкового пути, демонстрировали высокий уровень веротерпимости и открытости к чужакам, принимая их в род с предоставлением полной защиты и равных прав. Мирное сосуществование доисламских верований (тенгрианства, шаманизма) и ислама исключало религиозную дискриминацию внутри общины. Адат как нормативная система кочевников-кыргызов существенно отличался от кодифицированного права оседлых государств. Таким образом, институциональная основа адата изначально содержала в себе антидискриминационный потенциал. Общество, где каждый взрослый мужчина являлся одновременно воином и собственником скота, не могло выстроить иерархическую систему тотального подавления. Кочевая демократия обеспечивала баланс между индивидуальной свободой кочевника и коллективной безопасностью племени, создавая уникальную экосистему правосознания, где признание базового достоинства соплеменника являлось залогом выживания всей общины.

Ключевым индикатором реализации принципа недискриминации в любой правовой системе является степень доступности правосудия для всех слоев населения. В середине XIX в. первичной судебной инстанцией кыргызов считался суд биев. Компетенция этого суда была неограниченной: на его заседаниях рассматривались дела всех категорий. Кыргызское обычное право не знало различия между гражданским и уголовным судом, следовательно, процессуальные нормы были одинаковы при решении как гражданских, так и уголовных дел. Высшими инстанциями судебной системы являлись манапы и родоправители. Часто от их воли зависело окончательное решение по делу [3].

Таким образом, в Кыргызстане в середине XIX в., кроме судов-посредников, были суды биев аильного, родового и племенного масштаба. Аильными биями являлись те аксакалы, которые были знатоками обычного права кыргызов [4].

Любой кочевник, вне зависимости от имущественного ценза, мог стать бием, если общество признавало его интеллектуальный и моральный авторитет. Это ликвидировало классовую дискриминацию в формировании судебного корпуса. Институт куна трансформировал уголовное право из инструмента подавления и дискриминации в инструмент медиации и восстановления имущественного баланса. Он предотвращал тотальную аннигиляцию родов в ходе междоусобиц и гарантировал, что права пострадавшего (или его наследников) будут реально защищены материально, вне зависимости от его текущего социального и политического веса в структуре номадического социума.

С приходом советской власти в Кыргызстан начался процесс русификации, который целенаправленно внедрялся в сознание людей — этот коммунистический идеологический постулат о том, что в будущем, при коммунизме, все нации исчезнут, превратившись в одну общую нацию [5].

Вместо традиционных механизмов интеграции и недискриминации тоталитарное государство внедрило искусственную, глубоко сегрегационную модель общественных

отношений, основанную на доктрине классовой борьбы. В 1930-е годы дискриминационный вектор тоталитарного государства сместился в сферу идеологии и национального строительства. Любая попытка осмыслить марксистско-ленинскую доктрину через призму национальной специфики, защитить экономические интересы Киргизской ССР или заняться исследованием традиционной культуры квалифицировалась как «буржуазный национализм», «пантюркизм» или «контрреволюционная деятельность». Была развернута масштабная кампания по поиску внутренних врагов, вылившаяся в фабрикацию вымышленных контрреволюционных организаций (например, «Социал-туранской партии»). Внедрение сталинской репрессивной модели полностью разрушило традиционные представления кыргызов о правосудии, справедливости и презумпции невиновности, веками формировавшиеся институтом судей-биев. В таких условиях к концу 1930-х годов, согласно механизму коллективной ответственности, под подозрения подпали вообще все поголовно лица «иностранных» для СССР национальностей, которые воспринимались как база для шпионской и диверсионной деятельности иностранных разведок и как среда, потенциально нелояльная советскому режиму [6].

На смену публичному, состязательному и гласному процессу под открытым небом, где судья нес строжайшую репутационную ответственность перед народом, пришла тайная, бюрократизированная система внесудебной расправы. Наиболее brutальным проявлением антигуманной природы тоталитаризма и прямого попрания норм традиционного права стало нормативное закрепление принципа коллективной (родовой) ответственности в его карательной советской интерпретации. Согласно Оперативному приказу НКВД СССР № 00486 от 15 августа 1937 года («Об операции по репрессированию жен и детей изменников Родины»), уголовному преследованию и дискриминации подлежали не только лица, обвиненные в «контрреволюционных преступлениях», но и члены их семей — жены, дети и близкие родственники (<https://clck.ru/WTLsU>).

Процесс преодоления последствий тоталитарного террора и восстановления прав необоснованно осужденных граждан прошел сложную многоэтапную эволюцию. Под реабилитацией чаще всего подразумевали возвращение честного имени, восстановление в прежних правах, торжество правды в уголовном судопроизводстве в тех случаях, когда гражданин был репрессирован в годы массовых преследований и беззакония. В те годы говорить о самом законе о реабилитации невинных жертв политических репрессий не приходилось. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в 1950–1960-е годы в СССР реабилитацию жертв политических репрессий не выделяли в отдельное законодательство. Она проходила в рамках юридической реабилитации, регулируемой уголовно-процессуальным законодательством. В эти годы реабилитация жертв политических репрессий была скорее политической, чем юридической, поскольку носила закрытый характер; она также была ограниченной и не предоставляла гражданам полного возмещения причиненного вреда (в соответствии с законодательством того периода незаконно осужденным выплачивалась компенсация в размере двухмесячных окладов независимо от срока лишения свободы). Закон, который предусматривал ответственность государства за имущественный вред, причиненный гражданам органами дознания, предварительного следствия, прокуратурой и судом, был принят лишь спустя многие годы [7, 8].

Государство реабилитировало преимущественно крупных партийных и советских функционеров, в то время как рядовые граждане, жертвы раскулачивания («байства») и депортаций, оставались в статусе преступников. Ключевые архивные фонды НКВД-МГБ оставались засекреченными.

Новый этап наступил в конце 1980-х годов, в эпоху «перестройки», и достиг кульминации после обретения Кыргызстаном суверенитета. Мощным импульсом для формирования национальной нормативно-правовой базы стало обнаружение в 1991 году тайного захоронения жертв репрессий в урочище Чон-Таш. Базовым правовым актом независимой республики стал Закон Кыргызской Республики «О правах и гарантиях реабилитированных граждан, пострадавших в результате репрессий за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и другим признакам» от 27 мая 1994 года. Этот документ впервые перевел процесс реабилитации из партийно-номенклатурного русла в плоскость защиты неотъемлемых прав человека. Однако механизмы реализации закона 1994 года на протяжении тридцати лет оставались несовершенными из-за ведомственных барьеров, ограниченного доступа исследователей к архивам органов безопасности и отсутствия системного государственного органа, уполномоченного на массовый пересмотр дел (<https://cbd.minjust.gov.kg/4-715/edition/1234978/ru>).

Фундаментальный прорыв в сфере восстановления исторической справедливости произошел в конце 2024 года с принятием Закона КР № 207 от 30 декабря 2024 года «О правах и гарантиях реабилитированных граждан, пострадавших в результате репрессий за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и другим признакам в 1917–1961 годах» (<https://cbd.minjust.gov.kg/4-5454/edition/24561/ru>).

Новый нормативный акт кардинально модернизировал правовое поле, устранив пробелы закона тридцатилетней давности. Для практической реализации масштабных новелл законодательства 2024 года Постановлением Кабинета Министров Кыргызской Республики от 9 апреля 2025 года № 190 была образована Комиссия по реабилитации прав граждан, пострадавших от репрессий в 1917–1961 годах. Комиссия была развернута на базе Института истории, археологии и этнологии имени Б. Джамгерчинова Национальной академии наук КР, что обеспечило научную независимость и объективность её работы (<https://cbd.minjust.gov.kg/230026231/edition/31154/ru>).

Таким образом, центральным понятием кыргызской правовой культуры всегда выступал принцип Ар-Намыс — категория чести, достоинства и доброго имени человека и его рода. Традиционный адат категорически отвергал концепцию вечной стигматизации личности и, тем более, её потомков. Даже совершение тяжкого проступка требовало очищения через суд биев и выплату компенсации (кун), после чего честное имя человека восстанавливалось, а его дети не несли на себе клейма позора. Советский же террор через институт ЧСИР (членов семей изменников Родины) сознательно уничтожал Ар-Намыс семей, заставляя детей отрекаться от репрессированных отцов, лишая их права на историческую память и социализацию.

Современный юридический акт реабилитации, реализуемый на основе законов 2024–2025 годов, функционально тождественен древнему обычно-правовому институту актоо — публичному оправданию и возвращению чести. Восстанавливая права погибших лидеров («Алаш», отцов-основателей государственности) и десятков тысяч раскулаченных кочевников, государство осуществляет правовую реституцию достоинства их потомков. Снятие клейма «врагов народа» позволяет ликвидировать многолетнюю психологическую и социальную дискриминацию семей репрессированных, восстанавливая прерванную генеалогическую память (жети ата) и воссоединяя историко-правовую ткань кыргызского общества на принципах гуманизма и справедливости.

Исходя из вышеперечисленного, можно отметить, что эволюция принципов недискриминации в Кыргызстане представляет собой процесс циклического развития: от самобытного кочевого обычного права, через его насильственную деструкцию в тоталитарный

период, к современной государственно-правовой реституции. С позиций теории и истории государства и права формулирую следующие итоговые положения:

— Традиционная регулятивная система кыргызов (адат) де-факто содержала развитые институты обеспечения прав личности и недопущения дискриминации.

— Отсутствие института монопольной собственности на пастбищные угодья и горизонтальный характер «кочевой демократии» исключали классическую феодальную сегрегацию.

— Принцип юридического равенства обеспечивался универсальной доступностью правосудия в лице суда биев, функционировавшего на основах транспарентности, устности и состязательности.

— Специфика деликтного права кочевников заключалась в замене карательного насилия системой материальных реституций (кун).

Это уравнивало правовую ценность человеческой жизни и предотвращало маргинализацию правонарушителя и его близких, что доказывает гуманистическую направленность адата. Тоталитарный деликт против правовой культуры: советский период ознаменовался фундаментальным сломом органического правосознания этноса. Внедрение принципа классовой сегрегации привело к нормативно закреплённой дискриминации крупных собственников (баев и манапов), лишению их гражданских прав и депортации. Массовые репрессии, повлекшие ликвидацию национальной политической и интеллектуальной элиты в Чон-Таше, стали актом жесткой идеологической дискриминации. Деятельность внесудебных квазиорганов («троек» НКВД) полностью аннулировала принципы гласности судопроизводства и презумпции невиновности. С точки зрения юриспруденции, введение института коллективной ответственности членов семей изменников Родины являлось крайне грубым нарушением общеправовых стандартов ответственности, что напрямую противоречило адату, гарантировавшему иммунитет женщинам и детям. Современный этап реабилитации в Кыргызской Республике демонстрирует переход от декларативных и юридически ограниченных советских полумер к системной кодификации реституционных норм. Принятие Закона КР № 207 от 30 декабря 2024 года существенно расширило предметно-объектную область реабилитации. Законодатель правомерно расширил круг субъектов репрессивных решений, включив туда не только карательные органы, но и партийно-административный аппарат. Развертывание Комиссии по реабилитации при Институте истории НАН КР согласно Постановлению Кабмина КР от 9 апреля 2025 года № 190 перевело процедуру из заявительного в системный, государственно-инициативный формат, подкреплённый императивом раскрытия архивных фондов ГКНБ и МВД. Рассматриваю современный институт правовой реабилитации в Кыргызстане как форму государственной реституции и возврата к фундаментальной философско-правовой категории «Ар-Намыс» (чести и достоинства). Юридическое аннулирование неправосудных актов тоталитарного периода функционально тождественно обычно-правовому институту актоо (публичного оправдания). Восстанавливая права репрессированных граждан, суверенное государство преодолевает последствия многолетней дискриминации, ликвидирует историческую родовую травму потомков и воссоединяет прерванную правовую преемственность на основе принципов верховенства права и недискриминации.

Для повышения эффективности правоприменительной практики и совершенствования нормативно-правовой базы в сфере реабилитации жертв политических репрессий предлагается реализовать следующие шаги:

Разработать и принять ведомственные нормативные акты (приказы ГКНБ, МВД КР), регламентирующие упрощённый порядок и четкие сроки для физической передачи

следственных дел периода 1917–1961 годов в Государственное агентство по делам архивов, минимизируя правовые пробелы и субъективное усмотрение чиновников.

Юридическая легализация статуса административно репрессированных: разработать методические рекомендации для Комиссии по реабилитации (постановление Кабмина КР № 190 от 2025 г.) по верификации фактов внесудебного «раскулачивания» и поражения в правах на основе косвенных доказательств (протоколов сельсоветов, списков лишенцев), учитывая высокую степень сохранности или утери первичных документов.

Создание Единого государственного реестра: нормативно закрепить создание общедоступной цифровой платформы «Реестр реабилитированных граждан КР». Вынесение Комиссией положительного заключения должно автоматически влечь за собой внесение изменений в реестр, что исключит необходимость получения гражданами дополнительных бумажных справок в органах прокуратуры.

Внедрение историко-правовых дисциплин в вузы: рекомендовать Министерству образования и науки Кыргызской Республики включить в обязательный компонент государственного стандарта по направлению «Юриспруденция» дисциплину «История обычного права кыргызов (Адат)» для формирования у будущих юристов устойчивого антидискриминационного правосознания.

Список литературы:

1. Борубашов Б. И. Государство кыргызов в период раннего Средневековья // Российско-Азиатский правовой журнал. 2021. №3. С. 39-43.
2. Эшмурадова Н. Д. Правовое положение женщин в кыргызском традиционном обществе // Интерактивная наука. 2017. №13. С. 183-186.
3. Борубашов Б. И. История государства и права Кыргызской Республики. Бишкек, 2015. 323 с.
4. Кожоналиев С. К. Обычное право кыргызов. Бишкек, 2000.
5. Ормонова А. А. Становление советской власти в кыргызской Республике (1918–1937 гг.) // Вестник университета. 2013. №13. С. 228-232.
6. Дённингхаус В. В тени «Большого брата». Западные национальные меньшинства в СССР. 1917-1938 гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. 587 с.
7. Оперативный приказ НКВД СССР № 00486 «О репрессировании жен и размещении детей осужденных "изменников Родины"» 15 августа 1937 г.
8. Петров А. Г. Реабилитация жертв политических репрессий. М., 2005. 315 с.

References:

1. Borubashov, B. I. (2021). Gosudarstvo kyrgyzov v period rannego Srednevekov'ya. *Rossijsko-Aziatskij pravovoj zhurnal*, (3), 39-43. (in Russian).
2. Eshmuradova, N. D. (2017). Pravovoe polozhenie zhenshchin v kyrgyzskom traditsionnom obshchestve. *Interaktivnaya nauka*, (13), 183-186. (in Russian).
3. Borubashov, B. I. (2015). Istoriya gosudarstva i prava Kyrgyzskoj Respubliki. Bishkek. (in Russian).
4. Kozhonaliev, S. K. (2000). Obychnoe pravo kyrgyzov. Bishkek. (in Russian).
5. Ormonova, A. A. (2013). Stanovlenie sovetской vlasti v kyrgyzskoj Respublike (1918–1937 gg.). *Vestnik universiteta*, (13), 228-232. (in Russian).
6. Dyonningkhaus V. (2011). V teni “Bol'shogo brata”. Zapadnye natsional'nye men'shinstva v SSSR. 1917-1938 gg. Moscow. (in Russian).

7. Operativnyj prikaz NKVD SSSR № 00486 O repressirovanii zhen i razmeshchenii detej osuzhdennykh “izmennikov Rodiny” 15 avgusta 1937 g. (in Russian).
8. Petrov, A. G. (2005). Reabilitatsiya zhertv politicheskikh repressij. Moscow. (in Russian).

Поступила в редакцию
09.08.2026 г.

Принята к публикации
16.08.2026 г.

Ссылка для цитирования:

Салимбек кызы А. Принципы недискриминации в традиционном кочевом обществе кыргызов // Бюллетень науки и практики. 2026. Т. 12. №10. С. 461-468. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/131/51>

Cite as (APA):

Salimbek kyzy, A. (2026). The Principles of Non Discrimination in the Traditional Nomadic Kyrgyz Society. *Bulletin of Science and Practice*, 12(10), 461-468. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/131/51>